

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81'374

Васильева Екатерина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.n.vasilieva@spbu.ru

Либертинская лексика в русско-французском словаре Антиоха Кантемира

Для цитирования: Васильева Е. Н. Либертинская лексика в русско-французском словаре Антиоха Кантемира. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (2): 366–380. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.207>

Статья посвящена специфике либертинской лексики в «Лексиконе русском и французском» А. Д. Кантемира (конец 1730-х гг.), являющемся не только наиболее ранним образцом русско-французского словаря, но и одним из первых светски ориентированных лексиконов в России XVIII в. Материал словаря рассматривается на фоне французской переводной любовной беллетристики, которая в наибольшей степени способствовала выработке «языка любви» в новообразованном светском русском обществе, тем самым позволяя определить место словаря в этом процессе. В статье анализируется широкий спектр механизмов, использующихся Кантемиром в целях обогащения русского языка либертинской лексикой. В частности, зафиксированы случаи переосмысления им области значений слов славянского происхождения, или секуляризации славянизмов. Отмечаются такие тенденции, как произвольное использование префиксов и суффиксов, зачастую являющееся примером авторского словотворчества, а также выстраивание длинных синонимических рядов, в том числе с включением в них слов различной функционально-стилистической окраски. Отдельное внимание уделено факту кодификации в словаре сниженной, обценной лексики, роднящей словарь с текстами барковьяны — рукописными сборниками русской эротической поэзии — и свидетельствующей о новаторском характере труда Кантемира в отношении к русской лексикографической традиции. Примечательным обстоятельством является нехарактерная для Кантемира как писателя и переводчика тенденция к ограниченному использованию галлицизмов. Делаются выводы о том, что словарь Кантемира, при очевидной ориентации на светскость и французский язык как язык галантного общения, демонстрирует принципиальную способность русского языка продуцировать собственную, а не использовать заимствованную лексику, обслуживающую сферу галантных отношений.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Ключевые слова: Кантемир, светская культура, русская лексикография XVIII в., либертинаж, культурный трансфер.

Любовный лексикон начинает складываться в России в первой трети XVIII в., когда на смену прежнему — патриархальному, замкнутому на семье и доме — обществу постепенно приходит общество светское с характерными для него культурой, нормами отношений и формами поведения. Вместе со светской культурой проникает в Россию и такая специфическая, неизвестная традиционной русской культуре форма отношений, как галантная любовь. Узнавание этой формы любви, под которой понимались не узаконенные семейные отношения, а свободная любовь, любовь как страсть и наслаждение, происходит с опорой на опыт французского светского общества, которое и выступает в качестве готовой модели. При этом посредником в передаче французского опыта служит литература — это значит, что заслуга в выработке соответствующего понятийного аппарата в русском языке, где он прежде отсутствовал, в значительной мере принадлежит французской переводной литературе, а выдающаяся роль в продвижении светской культуры в России — переводчикам.

Приток любовной лексики в русский язык осуществлялся в основном за счет романного жанра. Среди произведений этого рода наиболее выдающаяся роль традиционно отводится прециозному роману Поля Тальмана «*Voyage de l'isle d'Amour*» в переводе В.К. Третьяковского («Езда в остров Любви», 1730) [Сазонова 2012: 212] — не потому, что книга Тальмана была исключительной (наоборот, она была лишь одним из многочисленных произведений прециозной литературы своего времени), но потому, что в России роман оказался изъятым из соответствующего — прециозного — контекста и по этой причине стал едва ли не уникальным явлением, превратившись буквально в эталон [Лотман 1992: 27]. Книга эта, как заявлено самим переводчиком в обращении к читателю, «есть сладкая любви», т. е. мирская, следовательно, само ее содержание не допускало использования «славянского» языка, который «есть язык церковной», а требовало перевода «простым руским словом» [Тальман 1778], более подходящим для светского общения. Благодаря этому роману, в котором аллегорически изображаются все фазы любовного чувства и формы поведения влюбленных, новообразованное светское общество в России получило, по выражению Л. В. Пумпянского, «кодекс французского любовного “политеса”» [Пумпянский 1941: 249–250]. Между тем роман не только выступал в роли руководства в науке галантного обхождения, но и способствовал восполнению лакун в соответствующей области языка.

Позднее немалую роль в выработке языка любви сыграл знаменитый «*Dictionnaire d'amour*» Ж. Ф. Дрё дю Радье, переложенный на русский язык А. В. Храповицким («Любовный лексикон», 1768). Строго говоря, эта книга занимает промежуточное положение между собственно любовной беллетристикой и литературой энциклопедического типа, взяв от первой тематику и стиль, а от второй — алфавитный принцип изложения материала и его охват. В этой книге, где каждому понятию из сферы галантных отношений отведена отдельная обстоятельная статья, любовь репрезентируется не иначе как наука, а значит предполагает овладение определенными знаниями, навыками и умениями (иначе говоря — стратегией соблазнения), а также и особым языком [Loubère 2006]. О том, что овладение специфическим лю-

бовным «жаргоном» является неперенным условием любовных отношений, заявляет и Храповицкий в предисловии к русской версии «Лексикона»:

И так тогда еще (во времена Овидия. — *Е. В.*) любовь зделалась наукою; но ныне она пришла в гораздо большее совершенство и приняла разныя наречия, для коих потребно изъяснение. Те, которые уже в ней искусились, легко могут познать пользу сего лексикона; и рассматривая свои ошибки, верно найдут, что они произошли от неразумения какого ни есть слова (цит. по: [Дмитриева 2019: 59]).

Овладение любовным лексиконом — только с виду простая задача. Как отмечено *Е. Е. Дмитриевой*, специфика языка любви в том, что он в значительной степени состоит из «формул с двойным дном», иными словами — из высказываний, в которых выражение не совпадает с содержанием. То или иное высказывание, к которому прибегает участник галантных отношений, может иметь значение, прямо противоположное тому, которое заложено в словах [Дмитриева 2019: 63]. Владеть языком любви — значит уметь декодировать любовное послание.

Определенную роль в обогащении русского языка любовной лексикой сыграли и составители двуязычных словарей. Кодифицируя слова из сферы галантных отношений, они тем самым узаконивали их существование в языке, вводили их в узус. В целом необходимость подобного рода лексикографической литературы остро ощущается русским филологическим сообществом не только на первых этапах освоения им новой, светской культуры — проблема сохраняет свою актуальность на всем протяжении XVIII в. Например, *В. Н. Татищев* в письмах *И. Д. Шумахеру*, написанных в период между 1746 и 1750 гг., указывает на потребность в лексиконах тех языков, «с которого и на который переводить», ибо без хороших словарей «переводы не токмо трудны, но и весьма неисправны являются» (цит. по: [Биржакова 2010: 16]). Позднее, в последней трети XVIII в., *Ф. В. Каржавин*, занимаясь переводами с французского языка, сетует на отсутствие в России «исправных» иностранных словарей. По его словам, «очень нужно, чтобы все французские книги для употребления школьного в России, а особливо диксионеры [словари], напечатаны были» (цит. по: [Долгова 1984: 94]).

В отношении французского языка первые шаги на пути решения этой проблемы были предприняты *А. Д. Кантемиром* (1709–1744) еще в конце 1730-х гг. В ту пору Кантемир, выполнявший обязанности официального дипломатического представителя Российской империи сначала в Лондоне (1732–1738), затем в Париже (1738–1744), работает над составлением первого в своем роде труда — «Лексикона русского и французского» [Кантемир 2004]. Русско-французский словарь Кантемира, оставшийся незавершенным и не увидевший свет при жизни автора, а затем на протяжении более двух с половиной столетий считавшийся утраченным и опубликованный впервые только в 2004 г., является первым из известных на сегодняшний день русско-французских словарей. Данные частной переписки Кантемира позволяют судить о том, что основная работа над словарем была проделана им в Лондоне и пришлась на последние годы пребывания русского писателя-дипломата в английской столице. Именно в эти годы после некоторой паузы Кантемир возвращается к активной литературной деятельности, главным образом переводческой (в конце 1730-х гг. им осуществляются переводы из Анакреонта, *Ф. Альгаротти*, *Юстина*), что могло послужить дополнительным импульсом к составлению словаря. В пись-

ме от 21 июня 1737 г. к Ф.Х. Гроссу Кантемир пишет о том, что нуждается в ряде книг для работы над словарем: «Присовокупляю также список русских книг, которые нужны мне для того, чтобы улучшить русско-французский словарь, начатый мной некоторое время назад, с просьбой отыскать их и приобрести» [Бабаева 2004: X–XI]. В числе прочих материалов, которые Кантемир запрашивал у Гросса, были наброски к русско-латинскому словарю, сделанные учителем Кантемира И.И. Ильинским незадолго до его смерти в марте 1737 г.

Обращение Кантемира именно к французскому языку не выглядит случайным. На всем европейском пространстве французский язык мыслится не только как язык международного общения — это еще и язык той культуры, которая считается эталоном светскости, и язык той самой галантной любви. Автор упомянутого «Любовного лексикона» в статье «Галантность» («Galanterie») прямо называет Париж родиной галантной любви, куда молодые люди со всей Европы съезжаются, чтобы взять уроки любовного мастерства: «Весь мир учится у нас, и Париж есть известная академия, куда молодые люди во множестве стекаются из Лондона, Вены и других городов, чтобы взять уроки галантности»¹ («Toute la terre prend leçon de nous, et Paris est l'Académie célèbre où la jeunesse accourt en foule de Londres, de Vienne, etc. pour faire son cours de Galanterie») [Dreux du Radier 1741: 135]. Кантемир и сам был «продуктом» абсолютно секуляризированной светской культуры, в которую оказался погружен с момента своего назначения в возрасте 22 лет и в которой пребывал до самой кончины в 1744 г. Известно, что его лондонский круг общения, помимо собственно дипломатов, состоял преимущественно из итальянских артистов (композитор Никола Порпора и его ученики певцы Фаринелли и Каффарелли, певица Франческа Бертолли, художник Якопо Амигони) и литераторов (Паоло Ролли, Франческо Альгаротти) [Lemny 2009: 254–257]. Впоследствии, в Париже, круг светских знакомств расширяется, в частности за счет дам света (маркиза де Монконсей, «подруга философов» герцогиня д'Эгийон, хозяйка известного литературного салона г-жа Жоффрен и др.) [Lemny 2009: 257]. Помимо этих светских знакомств, обоснованных в том числе соображениями политического толка, Кантемиру оказался не чужд и опыт если не собственно галантной любви, то во всяком случае любви-страсти, не освященной узами брака: благодаря сохранившимся донесениям парижской полиции нам известно о продолжительной любовной связи русского литератора и дипломата с некой мадемуазель Инглебер².

Можно определенно говорить о том, что русско-французский словарь Кантемира выделяется на фоне сложившейся русской лексикографической традиции именно своей ориентацией на светскость. Эта установка реализуется в том числе посредством включения в его состав самой разнообразной любовной, точнее либертинской лексики. Словник содержит всего 47 105 заголовочных слов и словосочетаний [Бабаева 2004: VIII], из которых свыше 500 имеют прямое отношение к «науке любви». Хотя объем либертинской лексики составляет всего чуть более 1 % от общего количества слов, можно однозначно утверждать, что он в значительной

¹ Здесь и далее перевод автора настоящей статьи.

² Документы хранятся в собрании «Архив Бастилии» Библиотеки Арсенала, являющейся филиалом Национальной библиотеки Франции [AB: fol. 378, 486, 488–491, 495–496, 498]. Донесения полицейских агентов, в которых упоминается имя м-ль Инглебер, датируются периодом между 20 ноября и 7 декабря 1741 г.

мере превышает объем аналогичной лексики в других словарях, бытовавших в ту пору в России («Номенклатор» И. Ф. Копиевского (1700), «Лексикон треязычный...» Ф. П. Поликарпова-Орлова (1704), «Лексикон сиречь словесник славенский» (1722), «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана (1731) и др.). Как было установлено Е. Э. Бабаевой, в качестве основного источника для Кантемира выступил вышеупомянутый труд Поликарпова-Орлова «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, эллино-греческих и латинских сокровище» (1704) [Бабаева 2004: XXXVII]. Слова, составившие пласт либертинской лексики в словаре Кантемира, также частью обнаруживаются в «Лексиконе треязычном». Между тем состав словника у Кантемира значительно превосходит источник смелостью, многообразием и стилистической пестротой.

Обильное внедрение такого специфического пласта лексики [Breuillard 2012: 334], являющейся совершенно нетипичной для русской лексикографической традиции, было созвучно тем задачам, которые ставились перед переводной любовной беллетристикой типа «Езды в остров Любви» В. К. Третьяковского и «Любовного лексикона» А. В. Храповицкого. Важно учитывать, что значительную часть литературного наследия Кантемира также составляют переводы — как переводчик он непосредственно сталкивается с неразработанностью русского литературного языка, вынужден констатировать недостаточность лексики, которая затрудняет переложение произведений иноязычной литературы на русский язык (достаточно, например, вспомнить те колоссальные трудности, с которыми 21-летнему Кантемиру пришлось столкнуться при переводе научно-популярного романа-трактата Б. ле Бовье де Фонтенеля «Разговоры о множестве миров»). Неудивительно, что, ища способов обновления и расширения словарного состава русского языка, Кантемир прибегает к максимально разнообразным средствам. Эта тенденция в равной мере касается всех категорий лексики, в том числе и либертинской.

Одной из тенденций, свидетельствующих об ориентации словаря на светскость, является, если воспользоваться термином В. М. Живова, «секуляризация славянизмов», т. е. внедрение новых, светских значений слов³. Характерный случай в словаре Кантемира представляет глагол *любить*. Если в русской лексикографической традиции этот глагол кодифицирован как имеющий прежде всего христианское значение (в смысле христианского чувства к ближнему, к Богу) [Сазонова 2012: 199], то у Кантемира область значения этого глагола переосмысливается и слово приобретает сугубо светскую коннотацию, связанную с пониманием любви как чувства-отношения между мужчиной и женщиной [Бабаева 2004: XL]. Конкретно глагол *люблю*⁴ соотносится Кантемиром с французскими глаголами *aimer; chérir*⁵

³ Феномен детально проанализирован в книге В. М. Живова «Язык и культура в России XVIII века» (см. раздел «Секуляризация славянизмов и противостояние светской и духовной традиций») [Живов 1996: 497–509].

⁴ Характерной чертой словаря Кантемира является периодическое использование в заголовочной позиции личной формы глагола вместо инфинитива. Эту особенность следует связывать не столько с незавершенным характером этого труда, сколько с вариативностью, которая присуща языковому употреблению петровской эпохи в целом, «хаотическим» состоянием языка в период, предшествующий формированию норм нового книжного языка взамен старого [Живов 1996: 155].

Здесь и далее в тексте статьи примеры даны в современной русской орфографии.

⁵ У Кантемира: *Aimer. Cherir* [Кантемир 2004: 595]. В целом в переводной части словаря обнаруживаются расхождения в написании одних и тех же слов, многочисленные случаи нарушения орфо-

‘любить; нежно любить’. Более того, в словаре кодифицируется возвратная форма глагола *люблю* — *люблюся*, которому соответствует французское выражение *faire l’amour*, имевшее в эпоху создания словаря сразу несколько значений, от более нейтрального ‘волокистствовать, ухаживать, свататься’ до собственно эротического, близкого современному и имеющего отношение к физическому акту любви⁶.

Вообще в словнике, предложенном Кантемиром, представлена целая палитра слов, обозначающих разные оттенки и степени любовного чувства. Любопытно, например, различие им двух глаголов — *влюбливаюсь* и *влюбляюсь*, вынесенных в разные заголовочные позиции и не помеченных как синонимичные. При кажущейся тождественности значений этих слов различия в кантемировском переводе указывают на то, что для автора словаря эти слова несут в себе разный заряд. В частности, французский эквивалент глагола *влюбливаюсь* — *devenir amoureux* ‘влюбиться’ — свидетельствует о его нейтральном характере (как в смысловом, так и в стилистическом отношении), тогда как глагол *s’amouracher*, с которым Кантемир соотносит глагол *влюбляюсь*, в XVIII в. имеет значение ‘потерять голову, отдаться страстному чувству’ — именно такое значение закреплено в ранних изданиях «Словаря Французской академии» (1718, 1740 и 1762 гг.) [DAF] — и при этом расценивается как принадлежащий строго разговорному стилю. О разной степени чувства, которое мужчина или женщина могут испытывать по отношению друг к другу, свидетельствует также пара глаголов, представляющих для Кантемира варианты французского *aimer* ‘любить’: *женолюбствую* и *муженеистовствую*. В частности, первый указывает на приязнь, любовное чувство к женщине (*aimer les femmes; avoir inclination pour les femmes*⁷ ‘любить женщин; испытывать сердечное влечение к женщинам’), а второй — на аналогичное чувство к мужчине, превосходящее, однако, по силе любовь и более соотносимое со страстью, исступлением (*aimer les hommes à la fureur* ‘неистово любить мужчин’).

Слова, обозначающие участников любовных отношений, тоже нашли свое место в словаре, причем Кантемир выстраивает целый синонимический ряд из семи единиц против всего лишь двух у его предшественника Поликарпова-Орлова. Слова *любимич* и *любимица*, перешедшие в словарь Кантемира из «Лексикона трехязычного», были дополнены новыми лексическими единицами: *любимец*, *любитель*, *любовник* и *любительница*, *любовница*. Основными единицами при этом следует считать слова *любимец* и *любимица* (которые соотносятся с французскими *galant; amoureux; amant* ‘кавалер; возлюбленный; любовник’ и *amoureuse; maîtresse*⁸ ‘возлюбленная; любовница’ соответственно), так как все остальные слова даются именно через отсылку к ним. Примечательно, что отдельные слова сопровожда-

графией, грамматические неточности. Здесь и далее в тексте статьи примеры даны с учетом правил грамматики современного французского языка.

⁶ См. пояснения в статье «Amour» в «Универсальном словаре» А. Фюретьера (1690): выражение *faire l’amour* используется тогда, когда хотят сказать, что молодой человек сватается к девушке; оно может использоваться и в непристойном смысле, когда молодой человек пытается свратить девушку; по отношению к женщине это выражение используется для того, чтобы сказать, что она позволила себе вступить в недозволенную связь («On dit qu’un jeune homme fait l’amour à une fille, quand il la recherche en mariage. On le dit aussi odieusement, quand il tasche de la suborner. <...> On dit qu’une femme fait l’amour, quand elle se laisse aller à quelque galanterie illicite» (выделения в источнике. — Е. В.)) [Furetière 1690: s. p.]

⁷ У Кантемира: *Aimer les femme. Avoir inclination pour les femme* [Кантемир 2004: 334].

⁸ У Кантемира: *Amoureuse. Maitresse* [Кантемир 2004: 595].

ются не только переводом, но и поясняющим комментарием. Например, в словаре кодифицируются слова *голубка* и *голубчик*, которые, помимо своего прямого значения — ласкового обозначения пернатого существа, имеют и светское значение. Как следует из пояснения Кантемира, на языке галантного общения эти слова используются в качестве ласкового обращения влюбленных друг к другу, а именно: *голубка* — *terme caressant que les amants donnent à leurs maîtresses; petit cœur; m'amie*⁹ 'ласковое слово, которым любовники называют своих возлюбленных; душенька; милая', в свою очередь, *голубчик* — *terme caressant qui vaut: mon cœur, mon petit cœur*¹⁰ 'ласковое слово, которое означает душенька, дружочек'. Такое выборочное комментирование слов, касающееся особенностей их употребления в русском языке, сферы их применения и пр., — характерная черта словаря Кантемира, которая указывает на двойственную, гибридную природу этого сочинения, являющегося одновременно обыкновенным двуязычным словарем (в котором дается слово и его перевод) и словарем энциклопедического типа (в котором дается слово и его пояснение).

Особым разнообразием в словаре отличается лексика, связанная с понятием адюльтера: этот круг слов включает в общей сложности 33 лексические единицы — это едва ли не больше, чем все прочие семьи слов, имеющих отношение к либертинской лексике. Непосредственно термину *adultère* 'адюльтер' соответствует сразу восемь единиц словника, большинство из которых являются однокоренными словами: *любодейничество, любодействие, любодейство, любоддеяние*, а также приставочные слова — *прелюбодейство* и *прелюбоддеяние*. Последние два слова в словаре Кантемира не сопровождаются переводом¹¹, что, видимо, дало повод Е. Э. Бабаевой не упоминать их в числе слов, входящих в данный синонимический ряд [Бабаева 2004: XL], между тем соответствие этих слов понятию супружеской измены не подлежит сомнению. В частности, именно такое соответствие устанавливается в словарях современной Кантемиру эпохи¹². Полученный синонимический ряд расширяется за счет включения двух «оригинальных» элементов, не встречающихся у предшественников Кантемира: в словаре кодифицируется слово *бракокрадство* в значении *noces furtives; les amourettes avant les nocces; adultère*¹³ 'тайный брак; любовная связь до брака; адюльтер', а также его синоним, данный через отсылку к нему, — *бракотатство*.

Важным инструментом, с помощью которого автор словаря добивается лексического обогащения, является аффиксация. Путем присоединения разнообразных суффиксов и префиксов, которыми располагает русский язык, Кантемиру удается выстроить длинные цепочки близких по смыслу слов. В этом отношении примечателен глагол *блужу* (*ségarer; commettre le péché de la chair; foutre*¹⁴ 'заблудиться; совер-

⁹ У Кантемира: § *Terme caressante, que les amans donnent à leur maîtresses. Petit Coeur. M'amie* [Кантемир 2004: 233].

¹⁰ У Кантемира: § *Terme caressant, qui vaut: mon coeur, mon petit coeur* [Кантемир 2004: 233].

¹¹ Начиная с буквы «П» перевод в словаре преимущественно отсутствует.

¹² Ср. в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана: «Ehbrechen, adulterare, прелюбодействовати, прелюбодеиничати, нехранити ложа супружескаго»; «Ehbruch, adulterium, прелюбоддеяние, прелюбодейство, прелюбы» [Вейсман 1731: 144]. В парижской библиотеке князя Кантемира содержалось значительное количество лексикографической литературы, в том числе под № 225 значится «Лексикон» Вейсмана. См. описание библиотеки князя Кантемира, опубликованную проф. В. Н. Александренко [Александренко 1896].

¹³ У Кантемира: (:*Noces furtives*;) *Les amourettes avant les nocces. Adultere* [Кантемир 2004: 81].

¹⁴ У Кантемира: *Ségarer. § Commettre le péché de la chair. Foutre* [Кантемир 2004: 68].

шить плотский грех; плотски овладеть»). Он имеет целый ряд производных глаголов (в том числе возвратных), полученных путем префиксации, значения которых частично соприкасаются, в отдельных случаях префиксы и вовсе придают словам лишь различные оттенки смыслов: *блужуся* (*se faire foutre* 'сношаться'), *зблудить* (*faire quelque chose mal à propos; gâter quelque chose*¹⁵ 'сделать что-либо некстати; испортить что-либо'), *выблужаю* (*faire un enfant; faire un commerce illégitime; obtenir quelque chose par la fouterie*¹⁶ 'зачать ребенка; вступить в незаконную связь; добиться чего-либо посредством плотских отношений'), *зблудить, зблудиться, доблужаю* (*ségarer, se méprendre jusque; achever de chevaucher*¹⁷ 'зблудиться, ошибаться; завершить любовный акт'¹⁸), *доблужаюся* (*obtenir par le péché charnel*¹⁹ 'добиться через плотский грех'), *изблудиться* (*devenir putaine, putassier; se gâter, se corrompre, devenir un vaurien*²⁰ 'сделаться гулящей девкой, развратником; портиться, развратиться, сделаться негодяем'), *переблудить, поблудить, позблудить, ублужаю*²¹.

Не менее изобретательно Кантемир пользуется приемом суффиксации, выстраивая целые цепочки однокоренных слов, образованные по принципу прибавления одного или нескольких уменьшительных и увеличительных суффиксов. Таков, например, ряд производных от слова *мом* (*débauché*²² 'развратник'): *мотик* (*débauché* 'развратник'), *мотишко* (*un petit misérable débauché*²³ 'жалкий никчемный развратник'), *мотище* (*grand débauché* 'большой развратник') и даже *мотыга* (*débauché* 'развратник'). Примечательно, что в этих именных словообразовательных рядах далеко не каждому слову находится абсолютно точный эквивалент во французском языке: одно и то же французское слово служит для перевода сразу нескольких, не вполне тождественных русских слов, каждое из которых мыслится автором словаря как самостоятельная единица и по этой причине помещено в отдельную заголовочную позицию.

Очевидно, что наличие разветвленных синонимических рядов и именных словообразовательных рядов уменьшительных и увеличительных слов не всегда отражает действительную лексическую ситуацию, а зачастую является результатом авторского словотворчества. Кантемир-переводчик, сталкиваясь с проблемой несоответствия лексических систем русского и французского языков, нередко при-

¹⁵ У Кантемира: *Faire queque chose mal à propos. Gater quelque chose* [Кантемир 2004: 116].

¹⁶ У Кантемира: *Faire un enfant. Faire un commerce illegitime. § Obtenir quelque chose par le futerie* [Кантемир 2004: 181].

¹⁷ У Кантемира: *Ségarer. Se meprendre jusqu-. § Achever de chevaucher* [Кантемир 2004: 269].

¹⁸ Основное значение глагола *chevaucher* — 'ездить верхом'. Однако в «Универсальном словаре» А. Фюретьера дается указание на новое, «обsceneное значение», которое этот глагол приобрел «с недавних пор»: «Старое слово, которое обозначало прежде ездить верхом и которое было изъято из употребления по причине обsceneного значения, которое ему было придано с недавних пор» («Vieux mot qui signifiait autrefois, Aller à cheval, et qui a été mis hors d'usage, à cause du sens obscene qu'on luy a donné depuis peu») [Furetière 1690: s. p.].

¹⁹ У Кантемира: *Obtenir par le peché charnel* [Кантемир 2004: 269].

²⁰ У Кантемира: *Devenir putaine, putancier. § Se gater, se corrompre, devenir un vaurien* [Кантемир 2004: 439].

²¹ В этой цепочке слов особенно отчетливо проявляется специфическая черта словаря Кантемира — попеременное использование инфинитива и личной формы глагола (вместо инфинитива). Ряд приведенных слов не сопровождается в словаре переводом.

²² У Кантемира: *Debauché* [Кантемир 2004: 627]. Такая орфография сохраняется во всей цепочке слов.

²³ У Кантемира: *Un petit miserable debauché* [Кантемир 2004: 626].

бегал к этой практике, предлагая собственные варианты слов. Подобную работу он продельывает и в словаре — вводит не только реально существующие производные слова, но и потенциально возможные, потенциально образуемые, как бы нащупывая варианты и тем самым заполняя все ячейки понятийной сетки. Между тем многие из этих слов имеют «случайный» характер и впоследствии не будут закреплены в языке.

На данном — переломном — этапе формирования русского литературного языка некоторыми авторами-составителями двуязычных словарей уже ощущается потребность в подборке синонимов, имеющих разную функционально-стилистическую окраску, и Кантемир, несомненно, в их числе. Не ограничиваясь стилистически нейтральной лексикой из собственно светского обихода, Кантемир в значительном объеме включает в словарь целый пласт сниженной лексики — т. н. лексики телесного низа, связанной непосредственно с «физиологией любви». В «Лексиконе трехязычном» Поликарпова-Орлова, к которому частично восходит словарь Кантемира, также можно обнаружить ряд слов со сниженной стилистической окраской, являющихся русизмами. Однако в таких случаях автор, как правило, избегает перевода, отсылая к другой словарной статье, содержащей синонимичный славянизм, при этом менее стилистически маркированный («блядка, зри блудница» [Поликарпов-Орлов 1704: s. p.]), что свидетельствует о том, что именно вторую форму следует считать основной. Так как целью «Лексикона» Поликарпова была фиксация традиционного славянского книжного языка [Бабаева 2004: XXXVII–XXXVIII], предпочтение слова славянского происхождения собственно русскому представляется закономерным. У Кантемира каждое из ряда синонимичных слов, имеющих разное происхождение и относящихся к разным регистрам, как правило, выделено в отдельную словарную статью. Сознательно не соблюдая границ нормативности языка, Кантемир тем самым утверждает закономерность и равноправие разных единиц — не только восходящих к церковнославянскому языку, но и имеющих менее давнее происхождение, и в более широком смысле — закономерность и равноправие разных стилей, от книжного до вульгарного.

Достаточно привести пример синонимического ряда слов, соотносящихся Кантемиром с французским *paillard*, которое буквально переводится как ‘распутник’ или ‘распутный’. Конкретно эти элементы в словнике Кантемира отсутствуют, зато он изобилует всевозможными эквивалентами, относящимися к разным функциональным стилям языка. Вот лишь некоторые из них: *блудник* (*putassier; paillard* ‘развратник, распутник’), *блядун* (*coureur des putaines; putassier; paillard* ‘тот, кто волочится за уличными девками; развратник; распутник’), *волокута* (в одном из значений — *homme, qui court les femmes; paillard* ‘мужчина, который волочится за женщинами; распутник’), *женонеистов* (*lascif; paillard* ‘сладогостец; распутник’) и даже *ерыхало* (*paillard* ‘распутник’). Нужно отметить, что в словаре Кантемира недостаточно разработана и используется непоследовательно система помет. В частности, слова редко бывают помечены как просторечные, вульгарные, грубые. Вместо этого автором словаря выделяется такая категория, как «шуточные» термины (*terme burlesque*), которые зачастую используются применительно именно к стилистически сниженной лексике и конкретно к словам из сферы взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Так, слово *ерыхало*, фигурирующее в ряду русских эквивалентов французского *paillard* ‘распутник’, сопровождается именно

такой пометой. К слову, к разряду «шуточных» терминов отнесены, например, такие слова, как *куница* и *лазарь*. Первое, не удостоенное даже точным переводом на французский язык, в одном из значений соотносится с *les parties honteuses de la femme*²⁴ ‘срамная часть женщины’. Второе слово кодифицируется в единственном значении — *galant; un qui fait l'amour* ‘кавалер; тот, кто волочит за женщинами’²⁵; т. е. может расцениваться как синоним к упомянутому ранее слову *любимец*.

Во Франции еще с начала XVII в. складывается особая разновидность либертинской литературы — литература эротическая и даже порнографическая, существовавшая как в рукописных списках, так и в виде печатных изданий. Некоторые ее образцы (например, сборник «*Le Joujou des demoiselles*» — «Девичья игрушка») переиздавались по несколько раз, свидетельствуя о популярности подобного рода сочинений во франкоязычном пространстве эпохи, и становились образцом для подражания для нескольких поколений создателей obscene поэзии [Шруба 2003]. В России эротическая литература получает распространение существенно позже, чем во Франции, но, как и во многих других случаях, демонстрируя высокую степень восприимчивости к французским образцам. В частности, М. Шруба указывает на многочисленные точки схождения между упомянутыми сборниками французской непристойной поэзии и русским сборником эротических стихотворений с аналогичным названием «Девичья игрушка», приписываемым И. С. Баркову²⁶, но в действительности включающим оригинальные и переводные произведения различных авторов [Шруба 2003]. Традиция русских obscene-эротических произведений — т. н. барковиана — хоть и должна считаться частью русской культуры XVIII в., но все же, в отличие от французских образцов, не подлежала распространению в печати, поэтому имела хождение (впрочем, довольно бойкое) исключительно в виде рукописных сборников. Во многом непечатный характер этих сочинений был связан не только с самим «срамным» содержанием, но и с обильным использованием в них нарочито грубой, вульгарной, непристойной — собственно непечатной — лексики.

Любопытно, что в словаре Кантемира, создававшемся приблизительно за два десятилетия до «Девичьей игрушки» Баркова (М. Шруба относит процесс составления первоначального ядра барковианы к началу 1750-х гг. [Шруба 2003: 407]) и, в отличие от нее, предназначавшемся для печати, не только обнаруживается в полном объеме непечатная лексика, которой насыщен язык барковианы, но он намного превосходит барковианский язык в изощренности²⁷. Хотя сам факт введения в обиход схожей лексики такими разными авторами примечателен, вряд ли у нас есть основания усматривать в этих лексических сходствах нечто большее, чем отражение схожих языковых взглядов авторов. Вероятно, в данной связи можно говорить о том, что и Барков, и Кантемир принадлежали к тому разряду литераторов, которые не были склонны признавать запретный статус мата и лексики, имеющей

²⁴ У Кантемира: § (*En terme burlesque*) *Les parties honteuse de la femme* [Кантемир 2004: 566].

²⁵ См. подробный комментарий к значению выражения *faire l'amour* выше.

²⁶ Иван Семенович Барков (1732–1768) известен как автор obscene-эротических стихотворений. В то же время Баркову принадлежит ряд «серьезных» сочинений, в частности, он является автором одной из наиболее ранних русских биографий Кантемира — «Жития князя А. Д. Кантемира», приложенного к изданию его «Сатир» 1762 г.

²⁷ Анализ собственно obscene лексики в словаре Кантемира не входит в задачи данного исследования.

отношение к телесному низу и интимным отношениям. По мнению К. Осовата, непристойные стихи «не выделяются специально из общего пласта “низкой” словесности», и причиной тому — «иерархическая локализация обценного словаря в пределах общей классификации “трех штилей”», бытовавшей в XVIII в. [Осоват 2000: 29]. В свою очередь, Кантемир в своем стремлении отмежеваться от церковнославянской книжной традиции и писать «простым» языком неизбежно приходит к расширению диапазона лексических средств, включению в орбиту современного языка просторечных, сниженных, вульгарных слов и выражений. Как указывает Ж. Брейяр, для Кантемира (и ряда его современников, трудившихся над обновлением словарного состава языка) внедрение подобной лексики отвечало выдвигаемому требованию писать «простым» языком, ибо она и есть этот «простой» язык [Breuillard 2012: 335]. Непристойная лексика мыслится им как закономерная часть языка, не выпадающая из рамок «трех штилей» и потому подлежащая кодификации наравне с остальной лексикой. Эта инициатива Кантемира выглядит достаточно дерзкой, а главное — новаторской, в определенной степени ломавшей курс русской лексикографической традиции.

Наконец, значительное место в словаре Кантемира уделено словам, заимствованным из французского языка (*авантажик, аер, акцептация* и пр.). В этом просматривается примета времени в целом и пример переводческой стратегии самого Кантемира: в ситуации, когда ему не удастся подыскать близкое по значению слово в русском языке, он нередко прибегает именно к калькированию. В частности, переводы с французского языка («Перевод некоего итальянского письма» Дж. П. Марана, «Разговоры о множестве миров» Б. ле Бовье де Фонтенеля, «Картина» Кебета Фиванского) изобилуют галлицизмами. И если в одних произведениях, прежде всего имеющих отношение к науке, их появление объяснимо, то в других их использование имеет менее очевидную обоснованность. Та же тенденция последовательного использования галлицизмов обнаруживается в реляциях Кантемира — дипломатических донесениях российскому двору, где примечательным образом соседствуют слова славянского происхождения (*паче, понеже, наипаче, зело*, глагольные формы на *-и* типа *быти* и пр.) и многочисленные галлицизмы (*эстима, реконцилиация, диффикультеты, элоквенция, экскузовать* и пр.) [Кантемир 1892: 4, 6, 14, 15, 32]. Очевидно, что самим Кантемиром заимствование иностранных слов в целом не расценивается как источник вреда для языка, а, напротив, мыслится инструментом его обогащения. Эта идея, составляющая ядро общей лингвистической программы Кантемира, сформулирована, в частности, в предисловии к «Истории» Юстина: «Все те народы [греки, римляне, итальянцы, англичане, французы, немцы] один другого книги переводили, от чего не только знание наук и художеств размножилось, но и язык их обогащен многими новыми словами» [Бабаева 2013: 38–39].

Приспосабливая (например, за счет использования различных суффиксов) французские слова к системе русского языка, Кантемир демонстрирует удивительную способность последнего ассимилировать французские заимствования, и, следовательно, принципиальную «переводимость» этих двух культур. Примечательно, однако, что в плоскости либертинской лексики, представленной в русско-французском словаре Кантемира, этот потенциал реализуется хуже всего. По сути, из общего количества слов данной категории галлицизмами являются только три слова, производных от *amour* ‘любовь’ (при этом само корневое слово отсутствует): это

участники галантных отношений — *амурищик* (*un galant; amant; amoureux* ‘кавалер; любовник; возлюбленный’) и *амурищица* (*coquette; maitresse*²⁸ ‘кокетка; любовница’), а также возвратный глагол *амурюся* (*faire l'amour, faire le galant* ‘волочиться за женщинами’²⁹, ухаживать’). Ни в одном из трех случаев автором не дается отсылка к русским синонимам, между тем перевод частично или полностью совпадает с переводом, предложенным Кантемиром к упомянутым выше словам *любимец*, *любимица* и глаголу *люблюся*. Размещение галлицизмов в отдельных заголовочных позициях, а также отсутствие отсылок к русским синонимам свидетельствуют о том, что эти слова мыслятся Кантемиром как полноценные единицы русского языка.

С учетом всего сказанного намечается довольно парадоксальная картина. С одной стороны, тот факт, что именно французская светская культура видится Кантемиром моделью галантных отношений, не подлежит сомнению, как не подлежит сомнению светская ориентация его словаря — попытка, не умаляя значимости церковнославянской языковой традиции, расширить диапазон лексических средств за счет включения в словарь слов из европейски-ориентированного светского обихода. Вместе с тем необходимо констатировать, что словник разработан значительно лучше, чем переводная часть словаря; таким образом, либертинская русская лексика удивительным образом отличается гораздо большим разнообразием, нежели французская. Это обстоятельство может указывать на то, что, по мысли Кантемира, русский язык имеет достаточно богатый внутренний потенциал для того, чтобы продуцировать лексику, способную обслуживать сферу отношений между мужчиной и женщиной. Не исключено, что здесь могла сказаться и общая направленность словаря: важно учитывать, что «Лексикон русской и французской» — не иноязычно-русский, а русско-иноязычный словарь; следовательно, адресован, с одной стороны, соотечественникам Кантемира, желающим изучать французский язык, а с другой — европейской аудитории с тем, чтобы дать ей представление о состоянии (весьма удовлетворительном) русского языка и культуры. Само по себе это намерение согласуется с общим направлением деятельности Кантемира-дипломата, заботившегося о продвижении русской культуры в Западной Европе и демонстрации ее полноценности. Кодификация в словаре обширного пласта либертинской лексики свидетельствовала о том, что она получила право гражданства в новом русском обществе и уже может считаться полноценной частью русской светской культуры.

Источники

- Кантемир 1892 — Кантемир А. Д. *Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона (1732–1733 г.)*. Александренко В. Н. (введ., примеч.). Т. 1. М.: Университет. тип., 1892.
- Кантемир 2004 — *Русско-французский словарь Антиоха Кантемира*. Бабаева Е. Э. (вступ. ст., публ.). В 2 т. М.: Азбуковник; Языки славянской культуры, 2004.
- Тальман 1778 — Тальман П. *Езда в остров Любви*. Третьяковский В. (пер. с фр.). СПб.: Тип. Мор. кадет. корпуса, 1778.
- Dreux du Radier 1741 — Dreux du Radier J.-Fr. *Dictionnaire d'amour, dans lequel on trouvera l'explication des termes les plus usités dans cette langue par M. de ****. La Haye: [s. n.], 1741.
- AB — Bibliothèque nationale de France (Bibliothèque de l'Arsenal), *Archives de la Bastille*, Ms 10287.

²⁸ У Кантемира: *Coquette. Maitresse* [Кантемир 2004: 11].

²⁹ См. подробный комментарий к значению выражения *faire l'amour* выше.

Словари и справочники

- Вейсман 1731 — Вейсман Э. *Teutsch-Lateinisch-und Russisches Lexikon = Немецко-латинский и русский лексикон*. St. Petersburg: Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731.
- Поликарпов-Орлов 1704 — Поликарпов-Орлов Ф. П. *Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокровище*. М.: Тип. царская, 1704.
- DAF — *Dictionnaire de l'Académie française*. <https://www.dictionnaire-academie.fr/> (дата обращения: 02.11.2023).
- Furetière 1690 — Furetière A. *Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts*. En 2 t. T. 1. La Haye: A. et R. Leers, 1690.

Литература

- Александренко 1896 — Александренко В. Н. *К биографии князя А. Д. Кантемира*. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1896.
- Бабаева 2004 — Бабаева Е. Э. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники. В кн.: *Русско-французский словарь Антиоха Кантемира*. Бабаева Е. Э. (вступ. ст. и публ.). В 2 т. Т. 1. М.: Азбуковник; Языки славянской культуры, 2004. С. VII–L.
- Бабаева 2013 — Бабаева Е. Э. Язык в зеркале размышлений поэта (к реконструкции лингвистических воззрений Антиоха Кантемира). В кн.: *XVIII век. Сборник 27: Пути развития русской литературы XVIII века*. Кочеткова Н. Д. (ред.). СПб.: Наука, 2013. С. 26–48.
- Биржакова 2010 — Биржакова Е. Э. Лексикография XVIII века: общая характеристика. В кн.: Биржакова Е. Э. *Русская лексикография XVIII века*. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 14–17.
- Дмитриева 2019 — Дмитриева Е. Е. Перевод и непереводаемость: трудности метафизики и эротики. *Шаги / Steps*. 2019, 5 (3): 51–83.
- Долгова 1984 — Долгова С. Р. *Творческий путь Ф. В. Каржавина*. Л.: Наука, 1984.
- Живов 1996 — Живов В. М. *Язык и культура в России XVIII в.* М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Лотман 1992 — Лотман Ю. М. «Езда в остров Любви» Третьяковского и функции переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века. В кн.: Лотман Ю. М. *Избранные статьи*. В 3 т. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII — первой половины XIX в. Таллин: Александра, 1992. С. 22–28.
- Осват 2000 — Осват К. К определению литературных функций ранней барковианы. В кн.: *Русская филология: сб. науч. работ молодых филологов*. Вып. 11. Тарту: Тартуский ун-т, 2000. С. 24–32.
- Пумпянский 1941 — Пумпянский Л. В. Третьяковский. В кн.: *История русской литературы*. В 10 т. Т. 3: Литература XVIII века. Ч. 1. Гуковский Г. А., Десницкий В. А. (редкол.). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. С. 215–263.
- Сазонова 2012 — Сазонова Л. И. Освоение языка куртуазности и науки галантного поведения (*Carte du Tendre*). В кн.: Сазонова Л. И. *Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени*. Сер.: *Studia philologica*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 197–247.
- Шруба 2003 — Шруба М. «Девичья игрушка» и французские сборники фривольной поэзии XVIII века. *Новое литературное обозрение*. 2003, 60 (2): 407–424.
- Breuillard 2012 — Breuillard J. Un texte inédit: Kantemir (1708–1744) et la question de la langue. *Revue des études slaves*. 2012, (83/2-3): 329–344.
- Lemny 2009 — Lemny S. *Les Cantemir: l'aventure européenne d'une famille princière au XVIIIe siècle*. Paris: Éditions Complexe, 2009.
- Loubère 2006 — Loubère S. Un ABC libertin des Lumières: *le Dictionnaire d'amour* de Dreux du Radier. *Dix-huitième siècle*. 2006, (38): 337–350.

Статья поступила в редакцию 9 декабря 2023 г.
Статья рекомендована к печати 12 февраля 2024 г.

Libertine vocabulary in the Russian-French dictionary by Antiochus Kantemir

For citation: Vasilyeva E.N. Libertine vocabulary in the Russian-French dictionary by Antiochus Kantemir. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (2): 366–380. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.207> (In Russian)

The article deals with the particularities of the libertine vocabulary in A. D. Kantemir’s “Russian and French Lexicon” which is not only the earlier specimen of the Russian-French Dictionary, but also one of the first secular-oriented lexicons in the 18th century Russia. The content of the Lexicon is considered in contrast to the French translated love fiction, which contributed most to the development of the “language of love” in the new secular Russian society. It allows to define the place that Kantemir’s Lexicon takes in this process. The article analyzes a wide range of mechanisms that Kantemir uses in the aims of enriching the Russian language with the libertine vocabulary. In particular, the author of the article notes some cases of the secularization of slavisms, which means rethinking the range of meanings of the words of Slavic origin. The article demonstrates such tendency as arbitrary use of prefixes and suffixes, which often offers examples of the author’s word creation, or tendency to generating long rows of the synonyms including the words with different functional and stylistic characteristics. Special attention is paid to the fact of codification in the Lexicon of the vulgar, obscene vocabulary, which associates this work to the manuscript collections of the Russian erotic poetry, the so-called barcoviana, and attests the innovative character of the Lexicon in comparison with the Russian lexicographic tradition. A notable fact is the tendency to a limited use of gallicisms, which is not typical for Kantemir as writer and translator. Conclusions are drawn that Kantemir’s Lexicon, though the obvious secular orientation and the orientation towards the French language as language of gallant communication, demonstrates the fundamental ability of the Russian language to produce its own and not use the borrowed vocabulary that serves the sphere of gallant relations.

Keywords: Kantemir, secular culture, Russian lexicography of 18th century, libertinage, cultural transfer.

References

- Александренко 1896 — Aleksandrenko V.N. *For the biography of the Prince A. D. Kantemir*. Warsaw: Tipografii Varshavskago uchebnago okruga Publ., 1896. (In Russian)
- Бабаева 2004 — Babaeva E. E. Russian-French dictionary by Antiochus Kantemir: description, lexicographical sources. In: *Russko-frantsuzskii slovar' Antiokha Kantemira*. Babaeva E. E. (introd. art., comm.). In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik; Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. P. VII–L. (In Russian)
- Бабаева 2013 — Babaeva E. E. Language in the mirror of the poet’s thoughts (for the reconstruction of Antioch Kantemir’s linguistics views). In: *XVIII vek. Sbornik 27: Puti razvitiia russkoi literatury XVIII veka*. Kochetkova N. D. (ed.). St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. P. 26–48. (In Russian)
- Биржакова 2010 — Birzhakova E. E. Lexicography of the 18th century: general characteristics. In: Birzhakova E. E. *Russkaia leksikografiia XVIII veka*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2010. P. 14–17. (In Russian)
- Дмитриева 2019 — Dmitrieva E. E. Translation and untranslatability: difficulties of the metaphysics and the erotic. *Shagi / Steps*. 2019, 5 (3): 51–83. (In Russian)
- Долгова 1984 — Dolgova S. R. *F. V. Karzhavin’s creative career*. Leningrad: Nauka Publ., 1984. (In Russian)
- Живов 1996 — Zhivov V. M. *Language and culture in the 18th century Russia*. Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul'tury” Publ., 1996. (In Russian)

- Лотман 1992 — Lotman Iu. M. “Trip to the Island of Love” by Trediakovsky and the functions of the translated literature in the Russian culture of the first middle of the 18th century. In: Lotman Iu. M. *Izbrannye stat'i*. In 3 vols. Vol. 2: Stat'i po istorii russkoi literatury XVIII — pervoi poloviny XIX v. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992. P. 22–28. (In Russian)
- Осповат 2000 — Ospovat K. For the definition of the literary functions of the early barcoviana. In: *Russkaia filologija: sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov*. Iss. 11. Tartu: Tartusskii universitet Publ., 2000. P. 24–32. (In Russian)
- Пумпянский 1941 — Pumpianskii L. V. Trediakovsky. In: *Istoriia russkoi literatury*. In 10 vols. Vol. 3: Literatura XVIII veka. Part 1. Gukovskii G. A., Desnitskii V. A. (eds). Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1941. P. 215–263. (In Russian)
- Сазонова 2012 — Sazonova L. I. Mastering the language of courtliness and the science of courteous behavior (Carte du Tendre). In: Sazonova L. I. *Pamiat' kul'tury. Nasledie Srednevekov'ia i barokko v russkoi literature Novogo vremeni*. Ser.: Studia philologica. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. P. 197–247. (In Russian)
- Шруба 2003 — Shrubina M. “Girl's toy” and the French collections of the frivolous poetry of the 18th century. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003, 60 (2): 407–424. (In Russian)
- Breuillard 2012 — Breuillard J. Un texte inédit: Kantemir (1708–1744) et la question de la langue. *Revue des études slaves*. 2012, (83/2–3): 329–344.
- Lemny 2009 — Lemny S. *Les Cantemir: l'aventure européenne d'une famille princière au XVIIIe siècle*. Paris: Éditions Complexe, 2009.
- Loubère 2006 — Loubère S. Un ABC libertin des Lumières: *le Dictionnaire d'amour* de Dreux du Radier. *Dix-huitième siècle*. 2006, (38): 337–350.

Received: December 9, 2023

Accepted: February 12, 2024